

Application

Рис. 1 Логическая модель практики «Сопровождение замещающих семей» (сокращенная версия)

Таблица 1

Методы оценки и мониторинга практики в системе методов научного знания

<i>Ранг</i>	<i>Методы научного знания (иерархия)</i>	<i>Методы мониторинга и оценки, применяемые в практике сопровождения</i>
1	Систематические обзоры и метаанализы	—
2	Рандомизированные контролируемые исследования	—
3	Когортные, онгитюдные исследования	—
4	Исследования «случай-контроль»	—
5	Поперечные срезы; опросы, интервью	Опрос замещающих родителей (доступная выборка), 1 раз/год Интервью с родителями и подростками в форме сторителлинга, однократно (2023–2024 гг.)
6	Анализ случаев	Анализ по индивидуальному плану работы с семьей, регулярно по технологии ведения случая
7	Без групп сравнения и контрольных групп	Оценка динамики ситуации в семье (экспертные оценки), 1 раз/год
8	Экспертное мнение; анализ литературы	Экспертная оценка (сплошная выборка), 1 раз/год Анализ источников по теме семейного устройства, регулярно

Таблица 2

**Количество семей,
в которых показатели устойчивости улучшились (или не ухудшились)
в результате социально-психологического сопровождения, 2023 г.**

<i>Показатели Метод оценки</i>	<i>Самооценка родителей (опрос, доступная выборка, n=30)</i>	<i>Оценка специалистов (наблюдение, сплошная выборка, n=109)</i>
Родительские компетенции (понимание особенностей приемных детей)	80 %	71 %
Эмоциональное состояние родителя	83 %	91 %
Способность семьи к самостоятельному решению проблем	43 %	59 %
Адаптация семьи к обществу	87 %	96 %

Таблица 1

Динамика ВРП, величины прожиточного минимума, численности населения, имеющего денежные доходы ниже величины прожиточного минимума, в субъектах Северо-Кавказского федерального округа

Регион	ВРП на душу населения (руб.)			Удельный вес населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, %		Величина прожиточного минимума (руб.) в месяц / Место, занимаемое регионом по величине прожиточного минимума, (rang)		
	2010	2021	2021 к 2010 %	2010	2021	2010	2020*	2020 к 2010 %
Республика Дагестан	94 883,6	259 076,4	273,05	8,8	14,7	4629 / 82	10 465 / 57	226,07
Республика Ингушетия	48 239,2	148 586,8	308,02	22,1	29,3	4800 / 77	10 353 / 63	215,69
Кабардино-Балкарская Республика	89 668,3	229 153,1	255,56	15,7	18,1	4726 / 81	11 311 / 33	239,34
Карачаево-Черкесская Республика	91 782,3	235 354,7	256,43	17,7	22,1	4894 / 74	10 277 / 67	209,99
Республика Северная Осетия–Алания	105 781,6	293 366,1	277,33	10,5	13,4	4776 / 79	9 854 / 73	206,32
Чеченская Республика	55 995,7	177 859,9	317,63	19,7 (2013 г.)	19,8	5916 / 26	11 240 / 36	189,99
Ставропольский край	118 920,6	367 687,1	309,19	18,5	13,0	5539 / 46	9 777 / 78	176,51
Российская Федерация	263 828,6	830 792,7	314,90	12,5	11,0	5902	11 329	191,95

* Приведены данные за 2020 г., поскольку с 2021 г. поменялась методика определения величины прожиточного минимума. Источник: Росстат. Регионы России. Социально-экономические показатели: М., (2011): 166; (2021): 236; (2022): 236; (2023): 240–244, 462.

Таблица 2

**Бюджетная обеспеченность налоговыми и неналоговыми доходами
отдельных субъектов РФ, % от среднероссийского уровня**

<i>Регион</i>	<i>2005</i>	<i>2022</i>
Пензенская область	32,13	49,66
Алтайский край	30,33	46,77
Республика Северная Осетия – Алания	28,75	31,89
Республика Тыва	26,52	32,12
Карачаево-Черкесская Республика	24,97	25,42
Республика Адыгея	23,30	42,68
Кабардино-Балкарская Республика	18,69	23,45
Чеченская Республика	10,83	16,95
Республика Дагестан	10,09	15,99
Республика Ингушетия	6,15	16,83
Российская Федерация	100	100

Рассчитано по: Росстат (2006, 2023) Регионы России. Социально-экономические показатели. М.: (2006): 56 – 57; (2023): 43 – 44, 977 – 983.

Таблица 3

Основные показатели уровня жизни населения отдельных субъектов РФ

<i>Регион</i>	<i>Соотношение среднедушевых денежных доходов населения с величиной прожиточного минимума, IV кв., %</i>		<i>Удельный вес населения, имеющего денежные доходы ниже величины прожиточного минимума, %</i>	
	<i>2005</i>	<i>2022</i>	<i>2005</i>	<i>2022</i>
Российская Федерация	322,0	322,85	17,7	9,8
Пензенская область	205,1	257,54	27,6	11,5
Алтайский край	254,6	251,41	25,5	15,4
Республика Северная Осетия–Алания	303,0	233,36	13,8	13,0
Республика Тыва	165,2	163,94	45,3	27,2
Карачаево-Черкесская Республика	220,8	175,72	26,6	22,0
Республика Адыгея	186,2	304,07	34,0	11,6
Кабардино-Балкарская Республика	227,1	202,58	24,7	16,4
Чеченская Республика	202,5 (2010)	227,05	21,8 (2012)	19,4
Республика Дагестан	264,5	263,23	22,1	14,2
Республика Ингушетия	153,2	158,82	61,3	30,5

Источник: Росстат (2006,2023) Регионы России. Социально-экономические показатели. М., (2006):176 – 177, 178 – 179; (2023): 198 – 199, 224 – 227, 236 – 237, 240 – 242.

Таблица 4

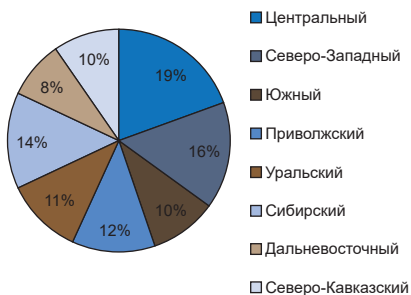
Объем дотаций на выравнивание бюджетной обеспеченности, направляемых в отдельные регионы Российской Федерации, тыс. руб.

Регион	Численность населения на начало 2023 г., тыс. чел.	Бюджетная обеспеченность % от среднеперсского уровня, 2022 г.	Величина прожиточного минимума (на душу населения), руб. в мес.	2023	2024	2025	2026
Пензенская область	1 246,6	49,66	11 692	10 152 343,4	11 370 624,6	8 172 636,4	8 467 099,3
Алтайский край	2 130,9	46,77	12 388	32 473 758,1	32 473 758,1	23 543 032,3	24 913 867,2
Республика Северная Осетия–Алания	680,7	31,89	12 528	13 504 294,1	14 541 130,5	10 870 956,8	11 155 955,3
Республика Тыва	337,3	32,12	14 059	20 488 443,4	22 580 209,6	16 493 196,9	17 323 536,8
Карачаево-Черкесская Республика	468,4	25,42	12 667	12 949 405,8	14 503 334,5	10 424 271,7	11 126 958,2
Республика Адыгея	498,0	42,68	11 970	6 018 485,6	6 740 703,9	4 844 880,9	5 171 468,0
Кабардино-Балкарская Республика	903,3	23,45	14 894	18 047 855,5	20 213 598,2	14 528 523,7	15 507 872,5
Чеченская Республика	1 533,2	16,95	13 363	43 094 737,3	48 266 105,8	34 691 263,5	37 029 756,4
Республика Дагестан	3 209,8	15,99	12 667	85 915 276,3	96 225 109,5	69 161 797,4	73 823 904,0
Республика Ингушетия	519,1	16,83	13 085	14 390 565,0	16 117 432,8	11 584 404,8	12 365 294,4
Российская Федерация, млрд руб	146 447,4	100	13 919	822 859,8	1 035 811,6	1 049 661,4	1 078 596,7

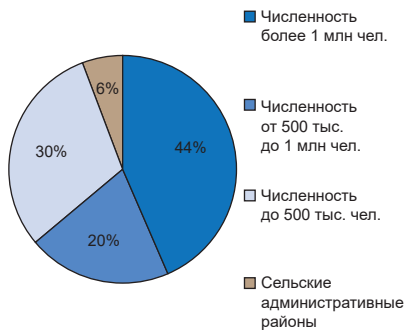
Источник: Федеральный закон РФ (2023) О федеральном бюджете на 2024 г. и на плановый период 2025 и 2026 гг., № 540-ФЗ от 27.11.2023. Росстат (2023) Регионы России. Социально-экономические показатели. М.: 42 – 44, 236 – 237.

Социально-демографические характеристики выборки

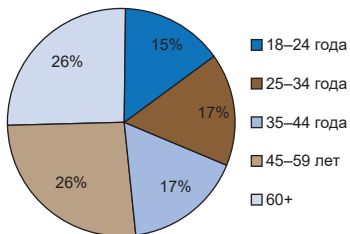
Распределение по федеральным округам

Распределение по типу поселения

Распределение по возрасту

Распределение по полу

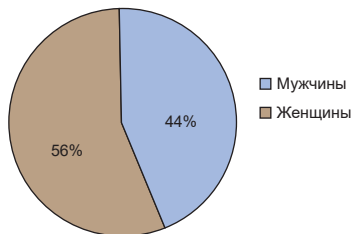

Таблица 1

**Сравнительная таблица личного доверия
к благотворительным организациям и опыта участия
в благотворительной помощи каким-либо людям/организациям**

			Вы лично в целом доверяете или не доверяете благотворительным организациям?				Всего*
			Полностью доверяю	Скорее доверяю	Скорее не доверяю	Полностью не доверяю	
Есть ли у вас личный опыт участия в благотворительной помощи каким-либо людям или организациям?	да, есть	Количество	29	124	39	13	205
		% в Есть ли у вас личный опыт участия в благотворительной помощи каким-либо людям или организациям? Скорректированный остаток	14,1%	60,5%	19,0%	6,3%	100,0%
	нет	Количество	12	189	166	54	421
		% в Есть ли у вас личный опыт участия в благотворительной помощи каким-либо людям или организациям? Скорректированный остаток	2,9%	44,9%	39,4%	12,8%	100,0%
			-5,4	-3,7	5,1	2,5	
Всего**		Количество	41	313	205	67	626
% в Есть ли у вас личный опыт участия в благотворительной помощи каким-либо людям или организациям?		6,5%	50,0%	32,7%	10,7%	100,0%	

*Из расчетов исключены респонденты, которые затруднились ответить на вопрос об опыте благотворительности.

**Для числа ячеек 0 (0,0%) предполагается значение, меньше 5. Хи-квадрат Пирсона 56,513 (Не предполагая нулевой гипотезы)

Таблица 2

**Сравнительная таблица оценки доверия россиян
к благотворительным организациям и личного опыта участия
в благотворительной помощи каким-либо людям/организациям**

			Как Вы думаете, россияне в целом доверяют или не доверяют благотворительным организациям?				Всего*
			Полностью доверяют	Скорее доверяют	Скорее не доверяют	Полностью не доверяют	
Есть ли у вас личный опыт участия в благотвори- тельной помощи каким-либо людям или организа- циям?	да, есть	Количество	19	101	67	9	196
		% в Есть ли у вас личный опыт участия в благотво- рительной помощи каким-либо людям или организациям?	9,7%	51,5%	34,2%	4,6%	100,0%
		Скорректированный остаток	4,1	2,2	-3,1	-1,6	
	нет	Количество	9	171	194	33	407
		% в Есть ли у вас личный опыт участия в благотво- рительной помощи каким-либо людям или организациям?	2,2%	42,0%	47,7%	8,1%	100,0%
		Скорректированный остаток	-4,1	-2,2	3,1	1,6	
Всего**		Количество	28	272	261	42	603
% в Есть ли у вас личный опыт участия в благотвори- тельной помощи каким-либо людям или организациям?		4,6%	45,1%	43,3%	7,0%	100,0%	

* Из расчетов исключены респонденты, которые затруднились ответить на вопрос об опыте благотворительности.

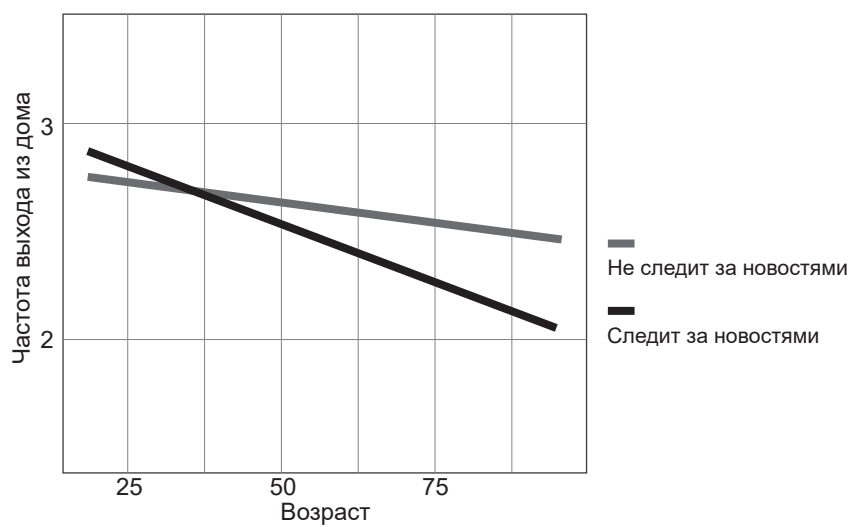
** Для числа ячеек 0 (0,0%) предполагается значение, меньше 5. Хи-квадрат Пирсона 26,511 (Не предполагая нулевой гипотезы).

Таблица 3

**Сравнительная таблица опыта участия в благотворительной помощи
каким-либо людям/организациям и оценки личного ощущения счастья***

			Индекс счастья			Всего
			От 1 до 3	От 4 до 7	От 8 до 10	
Есть ли у вас личный опыт участия в благотворительной помощи каким-либо людям или организациям?	да, есть	Количество	16	96	106	218
		% в Есть ли у вас личный опыт участия в благотворительной помощи каким-либо людям или организациям?	7,3%	44,0%	48,6%	100,0%
		Скорректированный остаток	-1,4	-2,2	3,1	
	что-то было	Количество	20	129	95	244
		% в Есть ли у вас личный опыт участия в благотворительной помощи каким-либо людям или организациям?	8,2%	52,9%	38,9%	100,0%
		Скорректированный остаток	-,9	,8	-,2	
	нет	Количество	58	264	180	502
		% в Есть ли у вас личный опыт участия в благотворительной помощи каким-либо людям или организациям?	11,6%	52,6%	35,9%	100,0%
		Скорректированный остаток	2,0	1,2	-2,4	
Всего		Количество	94	489	381	964
% в Есть ли у вас личный опыт участия в благотвори-тельной помощи каким-либо людям или организациям?		9,8%	50,7%	39,5%	100,0%	

*Для числа ячеек 0 (0,0%) предполагается значение, меньше 5. Хи-квадрат Пирсона 12,363.

Ольга Бредникова

КОГДА МИГРАНТ ПЕРЕСТАЕТ БЫТЬ МИГРАНТОМ? (ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ЛОГИКИ В ГРАНИЧНОЙ РАБОТЕ)

Статья посвящена исследованию представлений о том, когда и при каких условиях мигрант перестает быть мигрантом. Самый популярный теоретический фрейм в подобных исследованиях – концепции интеграции, которые анализируют основные направления интеграции и показатели интегрированности мигрантов. Однако эта статья рассматривает другую сторону двустороннего процесса интеграции и фокусируется на восприятии мигрантов со стороны принимающего общества. Основная теоретическая рамка исследования – концепция границ и граничной работы, которая проводится в отношении мигрантов. В фокусе исследования низовые (*street-level*) бюрократы, чья профессиональная деятельность связана с мигрантами. В своей работе они рутинно (вос-) производят границы между «мигрантами» и «местными жителями». Анализ риторики информантов позволил выделить две институциональные логики в производстве таких границ – неолиберальную и культурную. Под институциональными логиками в работе понимается «система базовых убеждений, которые направляют и предопределяют поведение агентов». В рамках культурной логики между мигрантами и местными жителями формируется культурная граница, которая приобретает форму этнической и религиозной и становится фактически непреодолимой. В рамках неолиберальной логики акцент делается на социальной границе, которую можно преодолеть, отказавшись от транснационального образа жизни, много и эффективно работая и заняв «достойное место» в социальной иерархии. Эти две логики не вступают в конкуренцию, а напротив, идут в связке, усиливая друг друга и укрепляя границу между мигрантами и местными жителями.

Ольга Евгеньевна Бредникова – к.социол.н, ст.н.с., Социологический институт РАН, филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия. Электронная почта: bred8@yandex.ru

Ключевые слова: миграция, интеграция, граничная работа, низовые бюрократы, культурная институциональная логика, неолиберальная институциональная логика.

Цитирование: Brednikova O. (2024) When Does a Migrant Stop Being a Migrant? (Institutional Logics in Border Work). *Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki* [The Journal of Social Policy Studies], 22 (3): 339–348.

DOI: 10.17323/727-0634-2024-22-2-339-348

Введение

Когда мигрант перестает быть мигрантом? Каковы границы между «приезжими» и «местными», кто их определяет и можно ли их преодолеть? При каких условиях мигрант становится «обычным жителем»? Эти, казалось бы, очевидные вопросы редко обсуждаются в общественной дискуссии и лишь иногда затрагиваются в академических дебатах, хотя ответы на них могут прояснить социальное положение мигрантов в принимающем обществе, выявить проблемы «огораживания» и приблизить нас к пониманию феномена миграции. Перечисленные вопросы, по сути риторические, переведены в исследовательские, а статья посвящена анализу представлений о том, когда мигрант перестает быть мигрантом.

Миграция чаще всего понимается как перемещение в пространстве и смена места жительства, а мигрант – как человек, осуществляющий такой переход. Существует множество определений мигранта, каждое из которых акцентирует различные аспекты, соответствующие конкретному контексту или целям. Например, глоссарий Международной организации миграции (МОМ) определяет мигранта как лицо, которое принимает свободно решение о миграции по причинам «личного удобства» и без внешнего принудительного воздействия. В данном определении мигрантами считаются люди, которые переезжают в другую страну или регион, стремясь улучшить свои материальные или социальные условия и перспективы для себя и своей семьи (ИОМ 2012). Это определение подчеркивает добровольность миграции и различает мигрантов от вынужденных переселенцев и беженцев. При этом оно расширяет понятие мигранта, включая в себя как индивидуальные, так и семейные миграционные проекты. В других определениях акцентируется пространственное измерение, и мигранты представляются как лица, пересекающие международные границы или меняющие место жительства внутри страны, при этом используются понятия эмигрантов и иммигрантов.

В академическом дискурсе существует множество классификаций мигрантов, основанных на целях и причинах миграции (трудовые или климатические мигранты, туристы и пр.), режим перемещений (сезонные мигранты) и временной перспективе (мигранты, которые уехали навсегда, и те, кто планирует вернуться). Последние делятся на временных и постоянных

мигрантов (Рязанцев, Письменная 2014). Это определение важно для данного исследования, поскольку оно подчеркивает неизменность статуса мигранта: несмотря на то что мигрант переехал на новое место жительства «навсегда», он продолжает оставаться мигрантом, что проявляется в категории «постоянный мигрант».

Все эти классификации основываются на принципах методологического национализма (Wimmer, Schiller 2003) и седентаризма (Трубина 2012), при котором социальный мир рассматривается исключительно из перспективы национального государства, а любое передвижение трактуется как отклонение от нормы. В то же время исследователи утверждают, что в современном мире социальная реальность в значительной степени организуется и структурируется актуальным и потенциальным движением (Sheller, Urry 2006).

Для меня как исследователя миграций очевидно, что понятие «мигрант» контекстуально. Например, для чиновника, который оформляет ребенка в российскую школу, мигрантами будут считаться люди без российского гражданства и/или регистрации. Для учителя мигрантами станут, вероятно, инофоны, не владеющие русским языком. Для обывателя, негативно настроенного к инаковости, мигрантами будут визуально отличающиеся люди. В этом исследовании вопрос о том, когда и при каких условиях мигрант перестает быть мигрантом, задавался экспертам – людям, которые в своей профессиональной деятельности сталкиваются с мигрантами и чьи действия и практики тем или иным образом формируют или поддерживают границы между условными мигрантами и местными жителями.

Теоретическая рамка и методологические основания исследования

Наиболее подходящей рамкой для понимания того, когда мигрант перестает быть мигрантом, представляется концепция интеграции. Она охватывает широкий спектр теоретических подходов и исследовательских перспектив. В 1970–1980-е гг., когда категория интеграции мигрантов только начала входить в социально-политический и академический дискурсы, она находилась под большим влиянием позитивистского подхода и рассматривалась в рамках методологического национализма и демографического взгляда на миграцию как на массовый односторонний поток. С этой точки зрения современное национальное государство рассматривалось как интегрированная этнокультурная единица или воображаемое «ценностное сообщество» (Anderson 2013), а миграция воспринималась как процесс, угрожающий целостности и стабильности национального государства. В этом контексте интеграция понималась как механизм, способствующий социальной сплоченности, предотвращающий напряженность и культурные разрывы.

В настоящее время понимание интеграции мигрантов претерпело значительные изменения. Исследователи обсуждают миграцию из перспективы

эмансипации и трансформации субъектности мигрантов, подчеркивая способность мигрантов к действию и самостоятельному принятию решений в зависимости от жизненных стратегий (Slany et al. 2010; Anthias 2012). Если ранее ученые подчеркивали важность приобретения различных культурных и социальных компетенций для интеграции в качестве «части» принимающего общества, то теперь интеграция все чаще рассматривается в контексте общей автономизации. Интеграция понимается как процесс повседневной жизни, в котором мигранты обучаются жить в транснациональных контекстах и выстраивать рутинные взаимодействия через «ежедневные переговоры» с множеством агентов интеграции. При этом процессы интеграции развиваются по множественным траекториям, соответствующим специфическим жизненным ситуациям.

В данной работе я намерена отойти от интеграционной оптики и рассмотреть проблему с другой стороны – стороны принимающего общества, сосредоточив внимание на производстве границ и граничной работе по отношению к мигрантам. Концепции границ и пограничья широко распространены в социальных исследованиях. В рамках *border-studies* (Wilson, Donnan 2012; Newman 2016) граница концептуализируется не столько как физическая линия, отделяющая территории и структурирующая пространство, но как «демаркационная линия, символизирующая власть включать и исключать субъектов из определенных отношений», тем самым воспроизводя властный порядок (Бреский, Бреская 2008: 46). Понятие границы маркирует социальные и культурные различия и помогает понять формирование социальных групп (Barth 1998; Lamont, Molnar 2002). В *border studies* популярны исследования приграничья, рассматриваемого как пространство транзита, перехода и смешения культур (Anzaldúa 2004). В английском языке для обозначения различных типов границ используется множество понятий, таких как *border*, *boundary*, *bound*, *limit*, *frontier* и каждое из них применяется в разных концепциях (Lamont, Molnar 2002). В русском языке подобного лингвистического разнообразия нет.

В настоящее время концепция границ приобретает популярность в миграционных исследованиях (например: Reeves 2014; Nikiforova, Brednikova 2018; Yuval-Davis et al. 2019). Представляется очень важным исследование Ниры Юваль-Дэвис и ее коллег (Yuval-Davis et al. 2019), которое фокусируется на практике отграничивания (*bodering*) мигрантов в Великобритании. Они отмечают, что сейчас эта практика сместилась с территориальных границ национальных государств в «эпицентр повседневной жизни». Такой сдвиг, по мнению исследователей не только усиливает контроль государства над миграцией, но и оказывает значительное влияние на формирование идентичности и чувства принадлежности как мигрантов, так и представителей принимающего общества.

В пограничный контроль включены не только пограничники и представители силовых ведомств, но и те, в чьи профессиональные обязанности

ранее контроль за мигрантами не входил. Сейчас в эти практики вовлечены муниципальные служащие, врачи, педагоги, социальные работники, риэлторы, арендодатели, сотрудники кадровых служб и другие. Теоретически они не имеют никакого отношения к охране границ, однако им приходится фиксировать наличие мигрантов, вести статистику, проверять документы, сообщать о нарушениях и так далее, и таким образом они становятся такими же пограничниками, подобно тем, кто работает на контрольно-пропускных пунктах на внешнем периметре границ национальных государств. Это приводит к децентрализации пограничного контроля, его диффузии и диверсификации профессиональных обязанностей (Persdotter et al. 2021). В данном контексте пограничный контроль определяется как работа по производству и поддержанию границ, которые влияют на взаимодействия между гражданами и мигрантами в их повседневных контактах.

Вокруг понятия границы формируется доминирующее ныне конструктивистское понимание этничности (Barth 1994; Wimmer 2009), которое в современных реалиях сопровождает, идет в неразрывной связке с пониманием того, что такое миграции. В рамках этого подхода интеграцию мигрантов следует рассматривать, как «изменение конструкции границ или индивидуальных позиций людей относительно границ» (Варшавер 2023: 387). То есть, чтобы мигрант перестал восприниматься как таковой, должна произойти «ре-категоризация конкретных людей и этнических категорий в пространстве атрибутов, указывающих на их "мигрантскость" и "местность"» (там же: 388), и тем самым должна измениться граница, отделяющая условно приезжих от условно местных. В данном исследовании акцент сделан на границе, которую создают «низовые» чиновники, работающие с мигрантами.

В рамках исследования, на основе которого написан этот текст, проведено экспертное интервьюирование. В качестве экспертов выступали специалисты, работающие с трудовыми мигрантами, прибывшими из Центральной Азии в российские города. Проведено 19 интервью с представителями региональных государственных структур, а также 17 интервью с сотрудниками государственных образовательных и социальных учреждений, включая тех, кто работает с членами семей мигрантов. Всего собрано 36 интервью. Исследование проводилось в Нижнем Новгороде, Москве, Санкт-Петербурге и Тюмени в 2022 г. Выбор городов обусловлен различием миграционных ситуаций в этих регионах. Целью обращения к нескольким кейсам было не сравнение их между собой, а создание более полной и насыщенной картины социальной реальности через мультисайтное исследование.

Всех экспертов в этом исследовании можно определить как «уличных бюрократов» (*street-level bureaucracy*). Согласно Майклу Липски (Lipsky 2010), уличные бюрократы обладают двумя ключевыми характеристиками: во-первых, они выступают проводниками государственной политики на низовом уровне; во-вторых, обладают высокой степенью дискреции, то есть определенной степенью свободы в принятии решений по конкретным

случаям. Например, сотрудники администрации школы могут либо «закрыть глаза» на отсутствие некоторых документов у детей мигрантов и принять их в школу, либо строго придерживаться требований закона.

Бюрократы «перерабатывают» людей в клиентов и распределяют их по категориям, тем самым выполняя граничную работу и создавая определенные социальные кластеры. Косвенные пограничные практики, хотя и не являются прямым пограничным контролем, затрагивают различные аспекты повседневной жизни мигрантов (Persdotter et al. 2021). В этой связи исследование работы уличных бюрократов важно для понимания граничной работы в отношении мигрантов. В частности, это позволяет выяснить, где и в каких случаях производится граница между мигрантами и местными жителями, какая граница формируется и что требуется от мигрантов для ее преодоления.

Институциональные логики граничной работы

В интервью с экспертами, помимо прочих вопросов, обсуждался и вопрос о том, когда «мигрант перестает быть мигрантом». В нарративах о практике работы с мигрантами и в представлениях о проблемах мигрантов эксперты обозначали границу между группами мигрантов и «населением в целом», между условными «ими» и «нами». Анализ риторики экспертов позволил выделить две институциональные логики в производстве границы: неолиберальную и культурную. Эти логики определены не столько на основе различий между местными жителями и мигрантами, о которых говорили эксперты, сколько на основе предложенных ими стратегий преодоления границы – что мигранты могут или должны сделать, чтобы стать «местными». В нарративах интервью четко выделяются два пути преодоления границы: устранение культурных различий или сокрытие их в частной сфере, или достижение более высокого социального положения через тяжелый труд. Эти стратегии соответствуют двум институциональным логикам: культурной и неолиберальной.

В широком смысле институциональная логика представляет собой совокупность принципов, определяющих функционирование и развитие конкретной институциональной сферы или поля (Шмерлина 2016: 114). В данном исследовании таким полем является профессиональная работа с мигрантами. Под институциональной логикой здесь понимается, следуя А. Фриланду и Р. Скотту, совокупность практик и символических представлений, которые формируют и определяют принципы организации конкретной сферы деятельности (Friedland 1991: 248, цит. по: Скотт 2007: 30). Институциональные логики можно рассматривать как систему базовых убеждений, которые направляют и предопределяют поведение агентов, действующих в этом поле (Скотт 2007: 36).

Обращение к институциональным логикам в этом исследовании вдохновлено работой по изучению логик формирования миграционной политики на городском уровне в четырех датских муниципалитетах (Jorgensen 2012). Автор работы исследовал деятельность и интерпретации действий

«низовых чиновников» и зафиксировал существование конкурирующих логик в отношении мигрантов.

Чтобы институциональная логика оказывала реальное воздействие, ей необходимы носители – «индивиды и организации, утверждающие, воплощающие, распространяющие ее принципы и действующие в соответствии с ними» (Скотт 2007: 36). Разнообразие логик связано с различными типами акторов. Например, в исследовании институциональных логик в здравоохранении выделены три вида логик профессиональная, государственная и рыночная. Эти логики отражают разные периоды развития системы и влияние различных акторов: период «господства профессионалов» (влияние медиков), период государственного вмешательства (воздействие государства) и период рынка (влияние частных корпораций) (там же).

Обсуждение с представителями институциональной сферы профессиональной работы с мигрантами вопросов о том, когда мигрант перестает быть таковым, позволило выявить две логики в производстве границ: культурную и неолиберальную. Далее более подробно рассматривается каждая из этих логик, уделяя внимание тому, какая граница формируется в рамках каждой из них, и анализируется их взаимодействие.

Стать «русским» (культурная/этнизированная логика)

Эта институциональная логика фокусируется на культурной границе. В ее рамках предполагается, что мигранты принадлежат иному ценностному сообществу, где «воображаемое ценностное сообщество "хороших граждан" противопоставляется негражданам, то есть мигрантам» (Соловьев 2023). Пересечение мигрантами территориальных границ принимающего государства воспринимается как пересечение не только физической, но и воображаемой границы, а также как акт вторжения в пространство локального ценностного сообщества (там же).

Информанты, обсуждая условия, при которых мигрант может утратить свой статус, указывают на различия в языке, традициях, менталитете:

В: Вы говорили российские традиции, что это?

О: Соблюдение праздников. Менталитет какой-то. У нас же тоже есть свой менталитет. Не знаю... Меня вот раздражает, когда в школе приходим и разговариваем на своем языке. Ну вот сколько мучились в разных семьях. Сколько раз говорили, но все равно ходим вот в этом вот хиджабе... Но вы же приехали в российскую школу, в подмосковную. Наверное, у нас по-другому традиции. Вот у нас знакомая /.../, она говорит: «Я работала и в Узбекистане, и в Таджикистане». Для них норма ходить там /в хиджабе/. А для нас дико! (И., представительница администрации школы, учительница, Москва).

Эта цитата, на мой взгляд, является показательной в нескольких аспектах. Сначала информантка связывает традиции с праздниками. Затем

вводится абстрактное и трудно уловимое понятие менталитета, которому придается особое значение. Далее происходит смысловой скачок, и информантка говорит о профессиональных проблемах – обсуждает сложности в работе и нарушения школьного регламента, вызывающие у нее раздражение. В завершение экспертность передается другому человеку для подкрепления собственной позиции. При этом граница между группами усиливается резкой негативной оценкой – «дико».

Возводимая культурная граница часто интерпретируется как этническая и религиозная. Информанты нередко упоминают этнические характеристики мигрантов, а также их религиозную принадлежность. Если речь идет о мигрантах из Центральной Азии, информанты обязательно говорят о том, что приезжие мусульмане.

Последователи культурной институциональной логики полагают, что принадлежность к определенной культуре неизбывна, и переход в иную культуру практически невозможен. В этой связи единственным позитивным сценарием для мигрантов является «уважение традиций» принимающего общества, которое большинство информантов воспринимает как обязательное:

Я все-таки считаю, что какое-то должно быть уважение традиций. Если ты живешь на территории государства, тем более в общественном месте, я считаю, что ты должен разговаривать на том языке, где ты находишься (Б., представительница администрации школы, Москва).

Эксперты считают, что мигранты имеют право сохранять свои культурные идентичности, однако это часто воспринимается негативно:

Если они /.../ консервируют свои этнические особенности внутри семьи, не социализируются. Продолжают существовать достаточно автономно (У., сотрудник миграционной службы, Москва).

Другие эксперты утверждают, что проявления идентичностей должны оставаться скрытыми или вытесняться в частную сферу:

Нет, ну может у них есть культурные особенности, не знаю, какие-то сабантуи там. Ну и пусть собираются вместе со своими, так скажем, соплеменниками. Ну а мы чего можем сделать? (Л., сотрудник миграционной службы, Москва).

...если они хорошо говорят по-русски, если они в принципе разделяют... Может быть они что-то и сохраняют, какие-то традиции, но в принципе в общественном поле ведут себя нормально, как среднестатистические, они не воспринимаются как мигранты, никто не испытывает к ним никаких негативных эмоций (У., представитель миграционной службы, Москва).

В этом случае интеграция понимается прежде всего как соблюдение мигрантами определенных требований, как писанных, так и неписанных. Хотя это может способствовать беспроblemному сосуществованию, сама граница между мигрантами и местными жителями сохраняется. В российском

обществе инаковость и культурное разнообразие не рассматриваются как ценность, не считаются таковыми. Мигрант должен соответствовать некоему воображаемому «среднестатистическому» обществу, которого в действительности не существует. Ответственность за интеграцию возлагается прежде всего на самого мигранта: *«должно быть уважение»* (Б., представительница администрации школы, Москва), *«психологически, на уровне установок должен захотеть»* (Ю., представительница социальной службы, Санкт-Петербург).

Следует отметить, что эксперты признают участие и значение принимающего общества в процессе интеграции мигрантов, и свидетельство тому – приведенная выше цитата. Однако речь идет не о реальном движении навстречу, а о сохранении и воспроизводстве границы. В рамках данной логики мигранты остаются культурно чуждыми даже при соблюдении определенных требований. Временная перспектива интеграции в рамках этой логики также не работает. Например, представительница школьной администрации говорит:

У меня есть семьи, у которых дети здесь родились. Да, но для русских они все равно мигранты. То есть вот сами дети говорят: «Я русский. Я, пусть я там кто-то, да? По национальности. Но я здесь живу, я русский». Это наше неприятие все-таки! (З., Нижний Новгород).

Следует отметить, что в более радикальных случаях культурная граница между мигрантами и условно местными жителями расиализируется. Хотя в публичной коммуникации, такой как интервью, открытое выражение расистских взглядов считается неприемлемым, такие высказывания иногда все же возникают:

Мы как раз смеялись. Были выпускные в девятых классах, вручение аттестатов. Говорю: Господи, как будто сижу где-то в Узбекистане или Таджикистане, где одна русская фамилия или две. И внешность, соответственно. Обидно, конечно, что славян истребили... (Б., представительница администрации школы, Москва).

Не углубляясь в обсуждение, кто и почему «истребил славян», важно подчеркнуть, что отношения между «приезжими» и «местными» выстраиваются не только через противопоставление или конкуренцию за ресурсы, но и через вопрос вытеснения и замещения.

Стать благополучным (неолиберальная логика)

Другая институциональная логика менее очевидна. Я смогла ее обнаружить, внимательно работая с понятием «укоренение», которое часто звучало в нарративах экспертов. В их высказываниях встречались такие выражения, как *«пустить корни»* (Д., представительница социальной службы, Нижний Новгород), *«вклиниться в общество»* (там же), *«наладить жизненный уклад»* (К., представительница социальной службы, Тюмень).

С одной стороны, укоренение связано с чувством оторванности от дома. Например, один из информантов подчеркивает, что пока у мигрантов есть намерение вернуться на родину, они остаются в категории мигрантов: *«Но до тех пор, пока у них есть мысль о том, что они приехали и все-таки через какое-то время они вернутся обратно, назад, можно сказать, что они вот относятся к категории мигрантов»* (Р., представитель Комитета по национальной политике, Тюмень).

С другой стороны, укоренение ассоциируется с накоплением социального капитала и приобретением опыта жизни в принимающем обществе: *«У них уже появляются русские друзья, русские связи. Они уже в общество вклинились, им и здесь хорошо. Зачем ехать туда уже?»* (Д., представительница социальной службы, Нижний Новгород).

Ожидание от мигранта того, что он или она будет выстраивать свою жизнь исключительно на новом месте или, как сказал один из информантов *«жить стабильной жизнью, не оглядываясь назад и не ориентируясь на отправляющее общество»*, связано с седентаристской оптикой национального государства. Здесь предполагается, что стабильность и оседлость являются нормой, тогда как перманентная мобильность и жизнь на два или более дома воспринимаются как нарушающие порядок. Такой взгляд укоренен в представлении экспертов: легче управлять теми и контролировать тех, кто оседл, поскольку легче поддаются учету. И напротив – мигранты, которые поддерживают свои традиции, которые живут в нескольких странах одновременно, практикуют транснациональный образ жизни, сложно поддаются контролю и учету. В этой связи в нарративах экспертов гражданство РФ часто воспринимается как ключевой индикатор того, что мигрант становится «местным».

В рамках неолиберальной логики процесс укоренения мигрантов часто описывается через метафоры пути, дороги и движения. В отличие от логики культуры, которая фокусируется на немедленных и видимых изменениях в поведении и соблюдении культурных норм, неолиберальная логика акцентирует внимание на постепенном процессе изменений. Для описания этого процесса вводится временная и поколенческая перспективы: *«Вообще у нас, как и везде, считается, что если десять лет люди прожили. Как-то общепринятое это, наверное»* (О., представитель Комитета по национальной политике, Москва).

В рамках неолиберальной логики проводится уже иная граница, скорее социальная. Эта логика предполагает, что мигрант на новом месте «обнуляет» свой социальный статус и начинает движение по социальной лестнице заново, независимо от своего прошлого опыта, квалификации и пр.:

Я недавно ехала в такси. Разговариваю с парнем – он хорошо говорит. /.../
У него высшее образование, но сюда приехал и работает простым таксистом. Они и на стройках, и ремонтники (Г., представительница Комитета по миграционной политике, Санкт-Петербург).

В метафору пути встроена идея труда. Согласно неolibеральной логике, мигрант, дабы перестать быть таковым, должен много работать – *«прикладывать усилия»*, *«трудится»* и так далее. Акцент на трудовой деятельности объясняется тем, что миграция часто легитимизируется через труд и заработок. В одном из интервью, проведенном ранее в рамках другого проекта, учительница младших классов рассказывала, как она борется с ксенофобией в своем классе: *«Я детям всегда объясняю, что они приезжают сюда, чтобы наш город стал чище...»*.

По мнению информантов, мигрант интегрируется через трудовую деятельность и может стать местным жителем, когда пройдет «путь гастарбайтера», и через тяжелый труд изменит и повысит свой социальный статус. Главное достижение мигранта, которое позволит ему перестать быть таковым, – встроиться в средний класс принимающего общества:

У меня врач хороший, который руку мне оперировал. Он как раз таджик. «Нет, – кричат там, – нам не надо, он... Мы пойдем к другому, потому что...» Он говорит: «Да, я здесь живу уже давно. Мне сорок лет и я здесь всю жизнь работаю». – «Нет, ты нерусский!». Это вот именно наше восприятие. А он работает хирургом уже! Они не мигранты, они любят Россию уже! (Ф., представительница сферы образования, Нижний Новгород).

В данном случае информант обосновывает свою позицию тем, что мигрант долго и много работал, благодаря чему занял достойное место в социальной иерархии принимающего общества, заработал свой статус и заслуживает доверия. Эта институциональная логика разворачивается в рамках неolibеральной идеологии, которая переосмысливает понятие мигранта, акцентируя внимание на самодостаточности и трудовой этике. Согласно этой логике, признание мигранта как местного жителя – это своего рода «путь самурая», проходящий через тяжелый труд и индивидуальную ответственность за собственное благополучие, поскольку ни институты принимающего, ни отправляющего общества не будут поддерживать этот процесс.

Индивидуализация связана с отказом от транснационального образа жизни, что предполагает сворачивание сетей и связей с земляками, и конституированием себя как «человека оседлого», реализующего «стабильный образ жизни». Кроме того, в рамках неolibеральной логики человек должен продемонстрировать свою эффективность, которая оценивается не только по размеру заработка, но и по позиции в социальной иерархии.

Таким образом, в рамках данной институциональной логики между мигрантами и местными жителями возводится социальная граница, преодолеть которую мигрант, по мнению экспертов, может только годами тяжелого труда. Здесь важно отметить, что мигрант в новом для себя обществе изначально занимает низкую социальную позицию, что особенно справедливо для людей, приезжающих на заработки из стран Центральной Азии. Дополнительным условием преодоления этой границы становится

отказ от транснационального образа жизни и ориентация на жизнь исключительно в принимающем обществе.

Соотношение институциональных логик (вместо заключения)

Исследование выявило наличие двух институциональных логик – культурной и неолиберальной. В рамках первой между мигрантами и местными жителями формируется культурная граница, которую фактически невозможно преодолеть. Мигранты могут сосуществовать с местными жителями, лишь «спрятав» все проявления своей идентичности в частную сферу. В рамках второй акцент делается на социальной границе, которую можно преодолеть, отказавшись от транснационального образа жизни и усердно работая.

Существование множественных логик в институциональном поле часто связано с действиями различных агентов, каждый из которых выступает носителем собственной логики. Разные логики могут вступать друг с другом в конкуренцию, когда одна логика приходит на смену другой. Уникальность данного исследовательского случая, на мой взгляд, заключается в том, что эти две логики сосуществуют и не конфликтуют между собой. Более того, носителями обеих логик являются одни и те же агенты – чиновники миграционных служб, администрация школ, учителя, социальные работники и психологи. Более того, обе логики часто проявляли себя в одном и том же интервью и отнюдь не противоречили друг другу. Складывается впечатление, что они усиливают друг друга и в связке работают на укрепление границы, делая ее практически непроницаемой.

Могут ли эти логики вступить в конкуренцию и может ли победить неолиберальная? Полагаю, что это возможно, но при условии, что произойдет нормализация мобильности, и инаковость будет рассматриваться как ценность. На данный момент дискреция в работе низовых бюрократов и практиков, то есть возможность действовать по своему усмотрению в каждом конкретном случае, предопределяется и ограничивается институциональными логиками, которые продемонстрированы в интервью. Интеграция мигрантов сталкивается с почти непроницаемыми границами, возводимыми принимающим обществом.

Заканчивая статью, стоит вернуться к ключевому вопросу, вынесенному в заглавие: когда мигрант перестает быть мигрантом? Пока на этот вопрос нет позитивного ответа, потому как выявленные институциональные логики работают на укрепление границ между мигрантами и местными жителями. Однако можно предположить существование еще одной логики, которую трудно или невозможно уловить в рамках традиционных социологических интервью. Эта гуманитарная логика предполагает индивидуальный подход, при котором низовой бюрократ или практик ориентируется на конкретного человека, а не на его социальную категорию. Такая

институциональная логика может содействовать преодолению или переопределению границ, создавая пространство для более гибкого и человеческого подхода к интеграции. Анализ содержания этой гуманитарной логики и ее эффектов – тема дальнейших исследований.

Выражение признательности

Публикация подготовлена при поддержке гранта Российского научного фонда No 22–18–00377 «Семья в движении: теоретические и эмпирические проблемы в контексте трудовой миграции в России».

Список источников

Бреский О., Бреская О. (2008) *От транзитологии к теории Пограничья. Очерки деконструкции концепта «Восточная Европа»*. Вильнюс: ЕГУ.

Варшавер Е. (2023) Интеграция мигрантов через призму конструктивистского подхода к этничности. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*, 25 (2): 377–396.

Рязанцев С. В., Письменная Е. Е. (2014) Временная миграция в России: понятийный аппарат, классификация и статистический учет. *Гуманитарные науки. Вестник финансового университета*, 4 (16): 52–57.

Скотт Р. (2007) Конкурирующие логики в здравоохранении: профессиональная, государственная и менеджеральная. *Экономическая социология*, 8 (1): 27–44.

Соловьев А. (2023) *Воображение и миграция: существование в зоре «между»*. Доступно по ссылке: <https://vk.com/@non.human-voobrazhenie-i-migraciya-suschestvovanie-v-zore-mezhdu> (дата обращения: 10 ноября 2023).

Трубина Е. Г. (2012) Мобильность и седентаризм в социально-теоретическом дискурсе. *Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки*, 2 (103): 22–34.

Шмерлина И. А. (2016) Институциональная логика: критический анализ направления. *Социологический журнал*, (4): 110–138.

Anderson B. (2013) *Us and Them? The Dangerous Politics of Immigration Control*. Oxford: Oxford University Press.

Anthias F. (2012) Transnational Mobilities, Migration Research and Intersectionality. Towards a Translocational Frame. *Nordic Journal of Migration Research*, 2 (2): 102–110.

Anzaldúa G. E. (2012) *Borderlands/La Frontera: The New Mestiza*. San Francisco: Aunt Lute Books.

Barth F. (1998) *Ethnic Groups and Boundaries: The Social Organization of Culture Difference*. Reissued Long Grove, IL: Waveland Press.

Friedland R., Alford R. R. (1991) Bringing Society Back in: Symbols, Practices and Institutional Contradictions. In: P. J. DiMaggio, W. W. Powell (eds.) *New Institutionalism in Organizational Analysis*. Chicago, IL: University of Chicago Press: 232–263.

IOM (2012) *Handbook on Migration Terminology Russian-English*. Available at: <https://refworld.int/report/world/handbook-migration-terminology-russian-english> (accessed 10 November 2023).

Jorgensen M. B. (2012) The Diverging Logics of Integration Policy Making at National and City Level. *International Migration Review*, 46 (1): 244–278.

Lamont M., Molnar V. (2002) The Study of Boundaries in the Social Sciences. *Annual Review of Sociology*, (28): 167–195.

Lipsky M. (2010) *Street-Level Bureaucracy: Dilemmas of the Individual in Public Service*. Russell Sage Foundation.

Newman D. (2016) Contemporary Research Agendas in Border Studies: An Overview. In: D. Wastl-Walter (ed.) *The Routledge Research Companion to Border Studies*. Abingdon; New York: Routledge: 33–48.

Nikiforova E., Brednikova O. (2018) On Labor Migration to Russia: Central Asian Migrants and Migrant Families in the Matrix of Russia's Bordering Policies. *Political Geography*, (66): 142–150.

Persdotter M., Lind J., Righard E. (2021) Introduction to Special Issue: Bordering Practices in the Social Service Sector – Experiences from Norway and Sweden. *Nordic Social Work Research*, 11 (2): 95–102.

Reeves M. (2014) *Border Work: Spatial Lives of the State in Rural Central Asia*. Ithaca NY: Cornell University Press.

Sheller M., Urry J. (2006) The New Mobilities Paradigm. *Environment and Planning A*, (38): 207–226.

Slany K., Kontos M., Liapy M. (eds.) (2010) *Women in New Migrations: Current Debates in European Societies*. Cracow: Jagiellonian University Press.

Wilson T. M., Donnan H. (2012) Borders and Border Studies. In: T. M. Wilson, H. Donnan (eds.) *A Companion to Border Studies*. Chichester, UK: Wiley-Blackwell: 1–25.

Wimmer A., Schiller N. G. (2003) Methodological Nationalism, the Social Sciences, and the Study of Migration: An Essay in Historical Epistemology 1. *International Migration Review*, 37 (3): 576–610.

Yuval-Davis N., Wemyss G., Cassidy K. (2019) *Bordering*. John Wiley & Sons.

Рисунок 1. Элиста 2007

Рисунок 2. Элиста 2018

Рисунок 3. Элиста 2018

Рисунок 4. Калмыкия 2018

Рисунок 5. Санкт-Петербург, Московский вокзал 2019

Рисунок 6. Масква, Ленинградский вокзал 2019

Рисунок 7. Миграционный центр 2019

Рисунок 8. Санкт-Петербург 2019

Рисунок 9. Утерян паспорт 2019

Рисунок 10. Китайский деловой центр 2019

